

Это есть, и это прекрасно!..

ГАСТРОЛИ

Меньше всего он ожидал, что станет дирижером. Хотя музыкой занимался с детства. В восьмилетнем возрасте родители записали его в Горьковскую хоровую капеллу мальчиков. Затем — музыкальное училище... Сейчас за плечами Вадима Перевозникова — две консерватории, Московская и Киевская, факультеты хорового дирижирования и оперно-симфонический. Оба диплома — с отличием. Призвание оформилось не сразу, а исподволь, может быть, даже незаметно для самого дирижера. Сейчас Вадим Перевозников — дирижер Киевского государственного театра оперетты.

— Вадим, ваше обращение к жанру оперетты было случайным или закономерным?

— Внешне, видимо, случайным. Но я никогда не подзревал даже, как трудно работать в оперетте. Это ведь самый синтетический жанр. Исполнитель один должен уметь и петь, и танцевать, и быть хорошим драматическим актером. Дирижеру, на первый взгляд, в оперетте даже легче: есть паузы. Но они несколько «выбивают» из общего ритма, а нужно ведь быть всегда «в ключе» спектакля...

— Вы поставили в театре два спектакля — «На рассвете» О. Сандлера и «Старую комедию» О. Фельцмана. Трудно быть дирижером-постановщиком!

— Сложно, потому что это работа прежде всего с людьми. В консерватории я был далек от этого...

— Чему научила вас консерватория?

— Я учился у замечательных педагогов: в Москве — у народного артиста РСФСР А. Б. Хазанова, в Киеве — у известного дирижера народного артиста УССР В. Б. Гнедаша. И, знаете, вот все, что учился в Московской консерватории, по-моему, настолько проникаются ее духом, что потом его просто не вышибить... Это творческий дух, желание отдавать все, что умеешь, и уметь, как можно больше. Неуспокоенность какая-то...

— Часто можно услышать, встретить в печати термины «серьезная» музыка, «легкая» музыка. Как вы считаете, правомерно ли такое определение и разделение?

— В музыке, как и во всех других областях человеческой деятельности, есть своеобразное «разделение труда». Одни композиторы пишут легкую музыку, другие — серьезную. (Есть, впрочем, и исключения — Андрей Петров, например). И даже в легкой музыке — один, скажем, пишет мелодии, другой — оранжирует... Мне лично термин «легкая» не нравится — лучше

«популярная». Темы ведь, по сути, и у серьезной, и у популярной музыки одни и те же — борьба за мир, любовь, патриотизм... А выразительные средства — разные. Но дело не только в них. Глубина проникновения в тему, в материал различны. Серьезная музыка — это уже другой, более глубокий уровень...

— Как же решить проблему приобщения молодежи к классической, к серьезной музыке?

— Неспроста хорошо известно изречение: «Мы любим музыку ту, которую знаем». Это действительно так, и не только в музыке — вообще в искусстве.

Значит, музыке нужно учить. Вернее, нужно учить пониманию музыки. Доросли ведь мы до «серьезной» литературы, до Толстого, до Достоевского — потому что все грамотные. По-моему, просто необходимо, чтобы все люди были бы еще и музыкально грамотными, и начинать этот «музыкальный ликбез» нужно с детства. Я, помню, в школе совершенно не умел рисовать. Ну, не дано природой абсолютно. Бились, бились со мной учителя... Так и не научился, естественно. Теперь я понимаю — не рисовать нужно было учить, а пониманию, постижению живописи. В этом плане мне очень много дал курс «Истории изобразительных искусств» в Московской консерватории.

— В школьном расписании есть сейчас еженедельные уроки музыки...

— Хорошо, что они уже не называются «уроками пения». Это здорово — учить детей разбираться, о чем эта музыка, как она сделана. По-моему, просто необходимо элементарное знание форм. Все это очень нетрудно, несложно, но нужен не отрывочный слуховой багаж — сходил ребенок один раз на концерт, в оперу — и все. Нужно знать основы, а главное — пробудить интерес к тому, что вот это есть на свете, и это прекрасно...

О. ЩЕПИТЬКО.